

Анастасия Евстюхина

Мюонное нейтрино,
пролетевшее сквозь
наши сердца

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
Е26

МЮОННОЕ НЕЙТРИНО,
ПРОЛЕТЕВШЕЕ СКВОЗЬ НАШИ СЕРДЦА
Анастасия Евстюхина

Книга издана с согласия автора.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Евстюхина, Анастасия.

Е26 Мюонное нейтрино, пролетевшее сквозь наши сердца : [роман] / Анастасия Евстюхина. — Москва : Popcorn Books, 2022. — 224 с.

ISBN 978-5-6047859-5-9

Семнадцатилетняя Таисия находится на лечении в детском отделении психиатрической клиники. У нее булимия. Девочки-соседки, коротая дни взаперти, делятся друг с другом историями. Тая вспоминает прошедшее лето на даче: Захара, юношу, по которому неровно бьется сердце; Люсю, лучшую подругу. А еще она вспоминает о болезни, которую долго от всех скрывала. Теперь, пересказывая свою историю девочкам из палаты и попутно общаясь с врачом, Тая постепенно, один за другим, пытается найти ключи к своему недугу.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

© Анастасия Евстюхина, 2022
© Издание, оформление.
Popcorn Books, 2022
Cover art © Max Reed, 2022
<https://lesathii.com/>
<https://www.instagram.com/lesathii/>

ISBN 978-5-6047859-5-9

ПОСВЯЩЕНИЕ

Родная моя Ясонька, Йана, по-прежнему с нежностью вспоминаю я желтыми нитями солнца и зелеными нитями электричек Петербург — Луга вышитое наше лето, коробку теней Ruby Rose с зеркалом, загнутые твои ресницы, лица, которые ты создавала, и картины; разговоры до рассвета о красоте, о книгах, о мужских и женских энергиях, походы в лес голышом, тяжелые серебряные перстни на маленьких пальцах, образы, навеянные тобой. Жаль, больше мы не расчесываем друг другу волосы одной щеткой, не пьем крепкий чай в маленькой кухоньке на Просвещения (ты обнимаешь кружку ладонями, а не держишь за ручку, так никто больше не делает из моих знакомых), не лежим в траве у Муринского ручья, рассказывая друг другу прошлые жизни...

Дорогая моя К., наверно, ни одни подруги на земле никогда не были так близки, как мы с тобой в тот

короткий и странный период, когда ты гуляла с парнем, в которого до истерики была влюблена я, и, надо признать, ближе мы уже вряд ли будем; и вряд ли я когда-либо смогу ощущать себя более живой, чем в то лето, ведь тогда мы были юны, распахнуты настежь всему первому, и души наши бегали в легких платьях, продуваемых насквозь космическими ветрами; благодарю тебя за каждый день, за каждую тропку, за каждый солнечный блик на мокром листе после дождя.

Дочь, маленькая моя девочка, тебе нет еще и года, но во многом эта книга родилась благодаря тебе, ради тебя; конечно, может, ты не захочешь ее читать, когда подрастешь, и я не буду настаивать, это твое право, но я бы хотела, чтобы ты прочла. Переосмысление прошлого — диалог с будущим...

НОЯБРЬ

Тая сделала попытку закрыть дверь. Пухлая сильная рука санитарки придержала ручку.

— Я должна видеть, что ты там делаешь.

— Но это же туалет!

— Да. Ты находишься в надзорной палате. За тобой надзор. Понимаешь?

— Даже гадить, что ли, без надзора не разрешается?

— Сейчас договоришься у меня до успокоительного.

Не разрешается. Доктор наказал не оставлять тебя одну.

Впрочем, ты этого заслуживаешь...

Скукожившись, чтобы прикрыться, Тая приспустила шорты и трусы.

Села на унитаз, скрестив руки на коленях.

Санитарка продолжала стоять в дверях, уперев кулаки в крепкие бока.

— Отвернитесь хотя бы...

Еще немного, и Тая расплачется. Она уже не бунтует. Она просит.

— Пожалуйста.

Санитарка горделиво расправила плечи — будто раздулись мехи аккордеона, повернулась боком.

И на том спасибо.

Надзорная палата детского дурдома — блок из трех помещений. Большое квадратное — в него попадаешь сразу из коридора. Здесь четыре койки, ненавистная вечно открытая дверь в туалет, раковина в углу, столы в центре — сюда приносят еду; возле входа сидит днем и ночью неусыпный часовой — узколобая плечистая царица-нянька.

Руки у нее крепкие, как у мужика.

Нянькам нужны крепкие руки — одолевать буйных. Таких как Ленка. Или как Аня Корнева.

И манеры у няньки грубые. И шея, и нос, и пальцы — короткие, толстые, красноватые. Будто она вся наспех из глины вылеплена, в печи закалена. И душа в нее Богом через махонькую дырочку как в свистульку вдунута.

В квадрате спят трое: Аня Корнева — ее койка прямо возле няньки, Ленка и Ира Мальцева — самая младшая.

Аня Корнева — отказная. Так на карте маркером написано.

Ей девять, но говорить она умеет только — бэм, бэм.

Корнева брыкается руками и ногами как опрокинутая лошадь. И иногда у нее судороги.

Стриженная голова Корневой — кокос, у нее были вши.

Целыми днями она повторяет с разными интонациями:

— Бэм! Бэм.

Няньки привязывают ее к кровати на недлинную веревку — чтобы не бродила по палате.

— Бэм! Бэм?!

Ира Мальцева и Ленка с виду не сумасшедшие.

Ира не ест. Ей девять, но она мелкая, как дошколенок.

Няньки говорят, плохо растет, недостаточно витаминов.

— Ты не хочешь есть?

— Не-а.

— Почему?

— Просто не хочу.

— Даже вкусное? Так не бывает!

— Бывает. Мне просто неинтересно есть.

— Я тебе завидую, — вздыхает Тая.

Ленка большую часть времени выглядит как обычно.

И можно думать, что с ней всё в порядке, пока однажды не увидишь, как она страшно хохочет, закидывая назад круглую кудрявую голову, и цитирует при этом Апокалипсис. И тогда нянька зовет другую няньку из коридора, потому что в руках у Ленки появляется поистине адская сила.

Один прут в ее металлической кровати согнут, и хочется надеяться, что это не она. Слишком жутко представлять, как такое могло случиться.

Квадрат продолжается двумя продолговатыми палатами, разделенными стенкой, — как две реки из озера вытекают.

В одной из рек — русалки, наяды... Наташка, Светка. Им по пятнадцать, у них длинные волосы. Они расчесывают их, сидя по-турецки на одной кровати. Наташка говорит: беременная она. Светка говорит про любовь. Учитель географии «такой лапочка». Наташка говорит, родители не знают о ребенке. Светка говорит, играли с «географиком» в бутылочку,

выпало, поцеловал щеку и висок, ему двадцать пять... Они совсем не похожи на сумасшедших.

Они рады: третья койка-лодочка долго качалась порожняя.

— Твоя, — говорит нянька.

Она ставит пакет с Таинными вещами на тумбочку. Шерстяное клетчатое одеяло сложено квадратом. Подушка стоит углом вверх.

Во второй реке обитает Катя. Ей четырнадцать, и она все время зовет бабушку. Кажется, у нее нет родителей.

— Бабушка. — Среди ночи.

Отчетливо.

Сначала шепотом.

— Бабушка.

Потом громче, до крика.

— Бабушка?!

Катя встает, бродит по темной палате, фонарные тени ветвей плавают по стенам — будто водоросли в толще воды. Катя всегда в рейтузах. Катя ищет.

— Бабушка?!

Приходит нянька. Иногда она просит другую няньку из коридора ей помочь. Они укладывают Катю, умертвляют до утра. Утопленница Катя с полуоткрытыми страшными глазами храпит.

Светка рассказывает: есть простой способ определить, целовался мальчик хоть раз «по-настоящему» или нет, нужно просто ему сказать, что он симпатичный, если покраснеет — нет. Наташка рассказывает: отец ребенка Ринат играл в хоккей на стадионе за школой, Наташка ходила смотреть с подружкой, переглядывались; жили рядом, Ринат свистел

под окнами — выходи-жду, валил Наташку на снег, щекотал, хохотали.

Наташкина мама уходила в ларек работать на весь день, и Наташка, кинув портфель и пожевав булки с маслом, шла на двор.

Наташка боится, что о ребенке станет известно, ведь мама велит его убить и доучиваться в школе.

Светка говорит, географ гладил ее коленку.

Тая смотрит на мерклые пятна света, подрагивающие под потолком. «А над нами — километры воды. А над нами бьют хвостами киты...»*

Из распахнутого туалета доносится умиротворяющее журчание.

— А у тебя что? — спрашивает Светка.

* Слова из песни «Дыханье» группы «Наутилус Помпилиус».

АВГУСТ

— Шестерка пик.

Карта лежала рубашкой вверх. Ее тут же перевернули.

— Ничего себе! Угадала!

— Как вы это делаете?

Компания молодых людей — четыре девушки и двое юношей — пережидала дождь на просторном дощатом крыльце дачного дома. С желобков крупного шифера на землю тонкими струйками стекала вода.

— Мистика! Вам надо на «Битву экстрасенсов», по-любому!

Тая и Люся переглянулись, наслаждаясь произведенным впечатлением.

— Единое сознание! У очень близких людей появляется общее энергетическое поле. И один человек часто знает, что думает другой. Потому что мысли все в этом поле...

— Ты-то откуда знаешь, Серега?

— Меня родители таскали с собой к деду, под Лугу куда-то. Там нечего было делать совершенно! Интернета нет,

конечно же, Сеть не ловит, в углу только телик маленький с пузатым еще экраном, я смотрел ТВ-3 от отчаяния уже; там рассказывали.

— По телику чушь мелют. Мои родители давно его выбросили. Спорим, это трюк. Давайте снова. А мы будем следить за девчонками внимательно. Наверняка у них есть тайный язык, и они просто сообщают друг другу карты.

— Захар у нас скептик, — сказала Оксана, — его байками про единое сознание не накормишь.

— Да пожалуйста! Не верите — повторим. Готова, Люсь?

Ребята окружили фокусниц, приготовившись ловить их на горячем.

Перетасовав колоду, Тая выложила на доски квадратом девять случайных игральных карт.

«Медлячок, чтобы ты заплакала, пусть звучат они все одинаково...»* — залился мобильный у Сереги.

Нюра приложила палец к губам.

— Ш-ш-ш, скинь.

Тая и Люся смотрели на карты.

— Запомнила?

Люся кивнула.

Тая собрала карты, перемешала и снова выложила квадратом, но уже рубашками вверх. Люся выбрала одну, запомнила; не показывая подруге, положила на место. Девушки соединили руки и некоторое время не двигались, вглядываясь друг другу в глаза.

— Семь червей! — воскликнула Тая.

* Слова из песни «Выпускной медлячок» Басты.

— Вторая в верхнем ряду, проверим, — скомандовала Оксана.

Тая открыла карту.

— Семь червей! Семь червей! — захлопала в ладоши Нюра. — Они опять угадали!

— Я не заметил, чтобы они мухлевали, — сказал Серега.

— Ведьмы, — ухмыльнулся Захар, изящно дернув уголком рта, как только он один умел.

— Давайте я попробую с Люсей вместо Таи, — предложила Оксана.

Девушки уселись друг напротив друга. Люся повторила нехитрый цикл манипуляций с картами. Оксана выбрала из квадрата центральную, запомнила, вернула на место.

Девушки соединили руки и взгляды. Все молчали, только дождь шуршал — будто бы кто-то мял конфетные обертки.

— Девять пик, — сказала Люся.

— А вот и нет. — Тая открыла карту. — Валет бубен.

— Давайте еще. Нужна статистика, — нахмурился Серега.

Но и на другой, и на третий раз фокуса не получилось. Люся называла не те карты, которые запоминала Оксана, и наоборот.

— Просто они не настолько близкие подруги, — подытожила Тая с загадочной улыбкой.

Она положила на колени блокнот и взялась за карандаш.

— Рисуешь? Покажи что-нибудь.

Нюра придвинулась к Тае и попыталась заглянуть через ее плечо.

— Я не люблю, когда читают письма, — Тая успела захлопнуть блокнот.

— Что у тебя там такого секретного? — поинтересовался Захар.

— Тебя не касается, — рубанула Тая.

— Дикая ты какая-то сегодня. — Нюра поднялась и подошла к краю крыльца. — Дождь закончился.

Умытый мир блистал. Над волнистой кромкой леса громоздились леденцовые предзакатные облака.

Тая проводила глазами ребят, нырнувших в дым садовой листвы.

— Наконец-то. Мне неуютно, когда слишком много людей.

Она раскрыла блокнот на случайной странице и черной гелевой ручкой принялась рисовать розу. Проводя линию, свежую пасту она размазывала пальцем — создавала тени.

— Да уж... — согласилась Люся. — Когда я ловлю на себе взгляд Оксаны, мне кажется, что она постоянно меня оценивает.

— Так ведь и ты ее оцениваешь, — сказала Тая, облизывая палец, чтобы легче было размазывать линии. — Ты же спрашивала меня после того, как мы вчетвером ходили в баню, у кого лучше фигура — у тебя или у нее.

— Красиво у тебя получается. Мне бы так. Я вот рисовать вообще не умею...

Роза под пальцами Таи один за другим разворачивала лепестки, обретала объем, пышность.

— Я думаю, Оксане нравится Захар.

— Послушать тебя, так весь мир в него влюблен! — с доброй насмешкой заметила Люся.

Тая фыркнула.

— Может, так и есть. Он ведь и тебе нравится? Нравится же? Хотя немного? Особенно эта его ухмылочка в стиле «бэд бой»?

— Да ну тебя! — Люся со смешком отмахнулась.

Рядом с розой на блокнотном листе проявлялся бутон — будто Тая чуткими пальцами стирала белый налет с готовой прекрасной картины.

— Оксана, мне кажется, тайно меня недолюбливает, — вздохнула Люся.

— С чего бы? Ответ очевиден всем, кроме тебя. Она ревнует!

Люся накрыла ладонями уши.

— Ей нравится Захар, — продолжила Тая, — а Захару, кажется, нравишься ты.

— Опять ты съехала на любимую тему. Ехал-болел мне твой Захар.

— Мы же подруги. Отчего ты мне не хочешь признаться?

— Да не в чем признаваться. Вот серьезно! Ты как будто хочешь меня убедить, будто он мне нравится.

— Я давно заметила, как он на тебя смотрит.

— Не. — Люся смущенно хохотнула. — Он на всех так смотрит. Взгляд у него такой. С поволокой.

Роза была почти готова.

— Можно мне поближе посмотреть? — Люся склонилась к плечу подруги.

Тая протянула ей блокнот.

— Смотри. Только страницы не переворачивай. Там дальше... другое.

— Думаешь, Серегина теория единого сознания — полный бред? — спросила Люся, разглядывая рисунок.

— Нет. Отчего же? Ведь мы сами не понимаем, почему угадываем карты. И не понимаем, почему не получается с Нюрой или с Оксаной. Опиши, как это у тебя происходит.

Люся задумалась.

— Не могу. Знание о карте приходит само. Просто приходит, и все. Неведомо откуда.

— Давай я попробую. А ты скажешь, похоже или нет.

Тая уселась на доски скрестив ноги, прикрыла глаза.

— Мы глядим друг на друга, — начала она монотонно, низким голосом, — долго-долго. Пока твои глаза не превращаются в мое небо, а мои — в твое. Пальцы наших рук переплетаются, как корни деревьев. Мы молчим и слушаем дыхание друг друга. Нет больше ни меня, ни тебя. Плавятся невидимые контуры, мы становимся единым целым. Будто бы нас окружает теплое вязкое нечто; у него нет ни цвета, ни формы — никакого знакомого нам свойства. И в нем — в этом субпространстве — появляется карта. Она вращается, как этажерка с открытками в книжном. Я знаю ее. Потому что ты ее знаешь. И больше не осталось ничего в мире, о чем бы знала ты и не знала я.

Тая расслабилась и засмеялась.

— Ну ты даешь. Я бы ни за что так красиво не придумала...

* * *

— Пошли на пяточок.

Ожидая Люсю, расчесывающую волосы, Тая вертелась вокруг одного из столбиков крыльца подобно танцовщице у пилона.